

Научная статья

УДК 347.441.646

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.109-121

Переговоры о заключении договора в контексте цивилистического учения о доброй совести

Артем Сергеевич Райников^{1, 2}

¹ Управляющий партнер Адвокатского бюро «Райников, Андреев и партнеры», Иркутск, Российская Федерация

² Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

raynikov@rayand.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5268-4588>

Аннотация

Введение. Абстрактность, социальная оправданность и объективность как свойства добросовестности обозначены в статье в качестве ключевых факторов в регулировании поведения сторон на этапе заключения контракта. На основании функций добросовестности определяется специфика прав и обязанностей участников переговоров.

Теоретические основы. Методы. Теоретической основой работы выступают фундаментальные исследования принципа добросовестности российскими и зарубежными авторами. При подготовке статьи использованы диалектический и формально-юридический методы исследования.

Результаты исследования. В статье определяются аспекты принципа добросовестности, играющие ключевую роль в регулировании переговоров о заключении договора и преддоговорной ответственности. Доказывается, что права и обязанности участников переговоров не могут быть установлены без учета данного принципа. Демонстрируется, как специфика таких прав и обязанностей предопределяет возникновение обязательственного отношения, порождаемого вступлением в переговоры.

Заключение. Обосновывается вывод, согласно которому правильное применение норм о порядке ведения переговоров возможно лишь с опорой на цивилистическое учение о доброй совести.

Ключевые слова: принцип добросовестности, объективные критерии социально оправданного поведения, дополняющая и конкретизирующая функции, охранительные обязанности, судебное правотворчество

Для цитирования: Райников А. С. Переговоры о заключении договора в контексте цивилистического учения о доброй совести // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 3. С. 109–121. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.109-121.

Original article

Negotiations in the Context of the Civil Law Doctrine on Good Faith

Artem S. Raynikov^{1, 2}

¹ *Managing Partner of Raynikov, Andreev and Partners Law Office, Irkutsk, Russian Federation*

² *Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation*

raynikov@rayand.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5268-4588>

Abstract

Introduction. Abstractness, social justification, and objectivity, as attributes of good faith, are identified in the article as key factors in regulating the behavior of parties during contract negotiation. The functions of good faith determine the specifics of the rights and obligations of the negotiating participants.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the work rests on the fundamental research into the principle of good faith by Russian and foreign authors. The dialectical and formal-legal research methods were used in the preparation of the article.

Results. The aspects of the principle of good faith which play a pivotal role in the legal regulation of negotiations are determined in the article. It is proved that rights and responsibilities of negotiators can't be defined without taking into account this principle. It is shown as the specificity of such rights and responsibilities predetermines the occurrence of the obligation which arises as a result of entering negotiations.

Conclusion. In the article the argument is made that proper application of the rules of negotiations is possible only through reliance on the civil law doctrine on good faith.

Keywords: principle of good faith, objective standards of socially justified conduct, complementary and specifying functions, protective duties, judicial law-making

For citation: Raynikov, A. S. Negotiations in the context of the civil law doctrine on good faith. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(3):109-121. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.109-121.

Введение

В той части, в какой свобода переговоров не ограничивается законом, соглашением или обычаем, право вверяет переговорный процесс критерию доброй совести. Инициация преддоговорных контактов, ведение параллельных переговоров, объем подлежащей предоставлению информации, интенсивность и сроки согласования условий будущего контракта, тактика переговоров и, наконец, выход из переговоров – все это подчинено требованию добросовестности. Ни один другой аспект принципа свободы договора не претерпевает столь существенного сдерживающего влияния добросовестности, как свобода ведения переговоров. Это обусловлено тем, что выведение универсальных правил поведения в переговорах является невыполнимой задачей. На переговоры влияет бесчисленное количество факторов, уникальные комбинации которых чаще всего не позволя-

ют установить границы должного и недожного в отрыве от конкретной переговорной ситуации, и категория добросовестности здесь становится едва ли не единственным инструментом правового воздействия. В связи с этим отмечалось, что центральная роль принципа добросовестности в позитивном регулировании переговоров заслуживает самостоятельного изучения [1].

Теоретические основы. Методы

Благодаря фундаментальным исследованиям принципа добросовестности [2; 3; 4] как основного начала частного права в последнее десятилетие в отечественной цивилистической доктрине оформилась полноценная концепция добросовестности со своим терминологическим аппаратом, функциями и характерным механизмом воздействия на общественные отношения. Это естественным образом сказалось на правовых институтах, черпающих свое начало в данном принципе, одним из которых, как указано выше, является институт переговоров о заключении договора.

Вместе с тем обширность юридического учения о доброй совести вынуждает постулировать лишь некоторые относящиеся к нему тезисы, имеющие непосредственное отношение к правовому регулированию переговоров. Соответствующие тезисы предлагаются к обсуждению в настоящей статье.

При подготовке статьи использованы диалектический и формально-юридический методы исследования.

Результаты исследования

1. Добросовестность как критерий социально оправданного и потому правомерного поведения

Целью принципа добросовестности является реализация значимых интересов индивидов, общества в целом и государства в ситуации, когда норма права или договор с этой задачей не справляются¹. Речь идет об обеспечении правового регулирования общественных отношений, исходя из поддерживаемого в обществе поведения участников правоотношений по отношению друг к другу, основанного на здравом смысле и актуальных на данный исторический период ценностях [2, с. 13]. Отражением соответствующей цели являются разъяснения высшей судебной инстанции, согласно которым при оценке действий сторон как добросовестных или недобросовестных следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации (абз. 3 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некото-

¹ Асосков А. В., Байбак В. В., Бевзенко Р. С. и др. Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. 1469 с.

рых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»²).

Открытый перечень возможных актов недобросовестности участников переговоров (п. 2 ст. 434.1 ГК РФ) требует обращения к критерию социальной оправданности действий или бездействия негоциантов [5]. Например, сокрытие от другой стороны факта обсуждения условий контракта с альтернативным контрагентом само по себе не является предосудительным, но может стать таковым в момент возникновения у визави обоснованного ожидания того, что соглашение непременно будет заключено (подп. 2 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ). Обман указанного ожидания не может быть констатирован без учета названного выше критерия.

2. Абстрактность принципа добросовестности

Обращение к добросовестности не позволяет сформулировать на ее основе правило поведения с четким и определенным содержанием [6], что предопределяет ключевое свойство данной категории – свойство абстрактности. Благодаря ему принцип добросовестности дает возможность находить индивидуальное решение правовой ситуации в случае, когда применение элементов формального права приводит к неадекватным с точки зрения правопорядка результатам. Это решение, как и любой иной акт применения права, базируется на запретах, обязываниях или дозволениях, с той лишь особенностью, что они не закреплены в норме, а выводятся посредством конкретизации принципа добросовестности для совершенно определенных лиц, являющихся субъектами отдельно взятого правоотношения. В отрыве от того или иного случая невозможно установить, соблюдены ли требования доброй совести [2, с. 14, 276, 288, 298].

Так, выдвигание заведомо неприемлемых условий будущего договора как признак продолжения переговоров при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной не может быть зафиксировано без привязки к обсуждению условий известного контракта. В равной мере ненадлежащее использование участником переговоров полученной от другой стороны конфиденциальной информации для своих целей требует учета нюансов конкретной ситуации: соблюдены ли условия установления запрета на такое использование и связано ли использование информации с заключением и исполнением договора.

3. Добросовестность как инструмент судебного правотворчества

Абстрактность принципа добросовестности предопределяет невозможность установить вытекающие из него права и обязанности субъектов правоотношения, а также пределы осуществления ими своих прав на этапе возникновения правоотношения (*ex ante*). Правило поведения формулируется в процессе ретроспективного судебного правотворчества, т. е. по результа-

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8. Постановление Пленума № 25.

там рассмотрения судом конкретного спора (*ex post*). Тем самым правоприменитель творит норму для конкретного случая³. Отсюда следует не только возможность признания тех или иных действий неогоциантов противоречащими требованиям добросовестности, но и констатация судом необходимости совершения участниками переговоров определенных действий в рамках выводимых из принципа добросовестности дополнительных обязанностей.

Иные последствия влечет закрепление неких особых требований к добросовестному проведению переговоров в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и сохранивших силу постановлениях Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, постановлениях Президиума Верховного Суда Российской Федерации и сохранивших силу постановлениях Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также в обзорах судебной практики, утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. Необходимость рассмотрения нижестоящими судами дел в соответствии с правовыми позициями, сформулированными в перечисленных актах (абз. 8 п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции»⁴, абз. 5 п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции»⁵), превращает такого рода позиции в нормы, действующие в отношении всех. В результате формируется правило поведения, содержание которого известно заранее, и нет оснований отвергать идею о том, что закрепляемые им права и обязанности становятся элементом правоотношения (даже если речь идет о правоотношении, элементы которого определяются лишь данным правилом).

Иллюстрацией изложенному служат разъяснения п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2018 г. № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции»⁶, которые уточняют содержание информационных обязанностей сторон при заключении договора перевозки пассажира автомобильным транспортом. На основании требования действовать добросовестно при установлении обязательства (п. 3 ст. 307 ГК РФ) перевозчику необходимо обратить внимание на явные недостатки упаковки багажа и отразить их в провозных документах под угрозой привлечения к ответственности за утрату, недостачу или повреждение багажа. Тем самым пассажир освобождается от обязанности доводить до сведения перевозчи-

³ Асосков А. В., Байбак В. В., Бевзенко Р. С. и др. Указ. соч. С. 188–190. См. также: [7].

⁴ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 9.

⁵ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 9.

⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 8.

ка информацию об указанных недостатках при заключении договора перевозки. Не будучи закрепленным в формальных источниках права, такое решение объясняется наличием у перевозчика особых профессиональных качеств, предъявляющих к нему повышенные ожидания. В расчете на них правопорядок лишает перевозчика возможности апеллировать к недобросовестности пассажира, не сообщившего о явных недостатках упаковки багажа при проведении переговоров о заключении договора перевозки.

4. Добросовестность как объективная характеристика поведения

До недавнего времени отечественная доктрина частного права пребывала в состоянии убежденности в том, что добросовестность представляет собой состояние извинительного незнания лица о чужих правах или фактах. В результате добрая совесть определялась через внутреннее отношение субъекта к своему внешне правомерному поведению, нарушающему права и законные интересы другого лица [8].

Между тем развитые правопорядки имплементировали анализируемую категорию в качестве концепции, которая позволяет сопоставлять формально не запрещенные действия или бездействие с объективными признаками социально оправданного поведения, подразумеваемого правом. В подобных условиях недобросовестным считается не тот, кто знал или должен был знать о каких-либо фактах, а тот, чьи действия (или бездействие) отклоняются от защищаемых представлений о приемлемом [9], и неважно, что он при этом думал или знал. Субъективная же сторона добросовестности имеет значение лишь тогда, когда закон связывает с ней определенные правовые последствия, например, при истребовании имущества от добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ), возникновении права собственности по приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ), купировании злоупотребления правом в узком смысле как разновидности недобросовестного поведения, основанного на признаке заведомого выхода субъекта за пределы осуществления гражданских прав (п. 1 ст. 10 ГК РФ). Это означает, что для констатации недобросовестности не нужно доказывать обстоятельства, относящиеся к внутреннему состоянию субъекта, – достаточно установить отклонение от поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны.

Выводимый из буквального прочтения абз. 3 п. 1 Постановления Пленума № 25, этот тезис становится определяющим для правового регулирования переговорного процесса. Так, затягивание переговоров является индикатором их продолжения при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной не в связи с доказанностью мотивов недобросовестной стороны, но в связи с очевидным промедлением в согласовании условий контракта. А предоставление визави неполной информации, относящейся к будущему договору, нарушает требования к добросовестному проведению переговоров не по причине определенного отношения нарушителя к своему бездействию, но потому, что эти сведения в силу характера договора должны быть доведены до другой стороны (подп. 1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ).

5. Конкретизирующая и дополняющая функции добросовестности

Абстрактность принципа добросовестности позволяет на его основе уточнять (конкретизировать), когда, каким образом и каким способом необходимо исполнять те или иные обязанности [2, с. 108]. Например, сообщение сведений о программном продукте при обсуждении условий лицензионного соглашения может ограничиваться предоставлением потенциальному лицензиату полной или урезанной версии программы либо сопровождаться направлением ему технической документации, позволяющей составить детальное представление обо всех возможностях продукта. Первый вариант характерен для отношений с участием лиц, не обладающих особыми познаниями в сфере программного обеспечения, второй чаще встречается в отношениях продвинутых пользователей и между предпринимателями, имеющими в штате компетентных специалистов. Решение вопроса о том, в каком объеме, в какой форме и на каком этапе переговоров предоставлять соответствующую информацию, лежит не в плоскости заранее известного правила поведения, но в сфере частного случая, отталкиваясь от обстоятельств которого можно сделать вывод об исполнении или неисполнении лицензиаром лежащей на нем информационной обязанности. Искомое решение здесь формулируется на основании конкретизирующей функции принципа добросовестности.

Индивидуальная юридическая настройка поведения негоциантов с опорой на категорию добросовестности открывает возможность не только для уточнения существующих обязанностей, но и для выведения дополнительных обязанностей, возникающих по месту (*ad hoc*). Например, переговоры между собственником земельного участка и девелопером о совместной деятельности по строительству на земельном участке торговых или жилых площадей требуют выяснения принципиальной возможности и условий подключения будущих объектов недвижимости к коммунальным сетям. Если к моменту вступления в переговоры собственник располагает документом, содержащим технические условия на подключение, или они известны девелоперу из иных источников, необходимость в совершении сторонами каких-либо действий по получению указанной информации отсутствует. В противном случае девелопер может обратиться к визави с просьбой подать заявления о выдаче технических условий в организации, осуществляющие эксплуатацию сетей инженерно-технического обеспечения, самостоятельно либо выдать рекомендованному девелопером лицу доверенность с полномочиями на подачу таких заявлений. Ведь лицом, имеющим право на получение таких условий, в данном случае является именно правообладатель земельного участка⁷. При таких обстоятельствах на собственнике ле-

⁷ См.: Правила подключения (технологического присоединения) объектов капитального строительства к централизованным системам горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, о внесении изменений в отдельные акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных актов Правительства Российской Федерации и положений отдельных актов Правительства Российской Федерации (утв. постановлением Пра-

жит не существующая *ex ante*, но возникающая *ex post* обязанность содействовать получению технических условий подключения к коммунальным сетям. Бездействие будет расцениваться как нарушение требований доброй совести в переговорах, выражающееся в неисполнении обязанности, порожаемой дополняющей функцией принципа добросовестности.

В сфере обязательственного права конкретизирующая и дополняющая функции добросовестности основываются на п. 3 ст. 307 ГК РФ, согласно которому при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

6. Охранительный характер обязанностей участников переговоров

Значение предписаний п. 3 ст. 307 ГК РФ для регулирования переговоров невозможно ни распознать, ни уяснить вне сравнительно-правового контекста, который послужил основанием закрепления этой нормы в российском Гражданском кодексе.

Прообразом п. 3 ст. 307 ГК РФ послужили положения абз. 2 § 241 Германского гражданского уложения⁸ (далее – ГГУ), согласно которому в соответствии с содержанием обязательства каждая из сторон может быть обязана учитывать права, правовые блага и интересы другой стороны. Эта новелла, включенная в текст ГГУ в результате реформы обязательственного права Германии в 2002 г., воплощает ранее развившееся в немецкой доктрине и судебной практике учение об охранительных обязанностях. Они преследуют цель обеспечить заботливое отношение должника к правам и интересам кредитора, когда должнику в силу имеющихся у него возможностей значительно легче предотвратить нарушение этих прав и интересов, чем кредитору.

Охранительные обязанности необходимо отличать от обязанностей по предоставлению. В отличие от последних охранительные обязанности не направлены на обмен благами (имуществом), а преследуют цель сохранения в отношениях сторон *status quo* (целостности и баланса прав и законных интересов сторон) [2, с. 117, 122, 128, 386].

Нетрудно заметить, что возникающие на переговорном этапе обязанности полностью соответствуют характеристикам охранительных обязанностей: они направлены к взаимной защите негодантами правовой сферы друг друга и не предусматривают необходимость совершения одной стороной имущественного предоставления в пользу другой стороны. В связи с этим приобретает особое значение вопрос о месте охранительных обязанностей в системе обязательственного права.

вительства Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 2130) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 49 (ч. II). Ст. 8316.

⁸ Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М. : Инфотропик Медиа, 2015. XIX, 715 с.

Ключевой тезис здесь звучит так: охранительные обязанности возникают только в рамках относительного правоотношения, порождаемого тесным правовым общением конкретных лиц. В этом их главное отличие от запрета посягать на личность или имущество, нарушение которого является деликтом [2, с. 118]. Охранительные обязанности действуют вне какого-либо правонарушения и не исчерпываются запретами. Напротив, содержание этих обязанностей нередко состоит в необходимости совершения сторонами определенных действий с целью не допустить нарушения прав и законных интересов друг друга, что совершенно не характерно для деликта. Но, будучи основанными на дополняющей функции принципа добросовестности, охранительные обязанности предусматривают позитивное регулирование поведения сторон не в режиме заранее известных действий или бездействия, а путем определения требуемого поведения в привязке к конкретному правоотношению. То, как это происходит применительно к обязанностям в рамках переговоров, было продемонстрировано выше (подраздел 5 настоящей статьи).

Понимание генетических отличий охранительных обязанностей от запретов, нарушение которых порождает деликт, привело германского законодателя к указанию в тексте ГГУ на то, что содержание обязательства из переговоров о заключении договора составляют охранительные обязанности. Это было сделано посредством прямой отсылки в абз. 2 § 311 ГГУ, посвященном переговорам, к абз. 2 § 241 ГГУ, закрепляющему указанные обязанности.

Российский же законодатель не сделал в ст. 434.1 ГК РФ аналогичной отсылки к п. 3 ст. 307 ГК РФ, что весьма странно, если учесть, что согласно буквальному смыслу данного пункта охранительные обязанности возлагаются на стороны не только при исполнении или после прекращения обязательства, но и при его «установлении». В результате юристу, не осведомленному об истоках содержащегося в п. 3 ст. 307 ГК РФ правила, связь этого правила с правовым регулированием переговоров о заключении контракта совершенно неочевидна. А непонимание правовой природы охранительных обязанностей, заимствованных российским Гражданским кодексом из ГГУ, приводит тех, кто все же видит связь между ст. 434.1 ГК РФ и п. 3 ст. 307 ГК РФ, к парадоксальному выводу о том, что недобросовестное поведение в переговорах является деликтом, поскольку охранительные обязанности защищают абсолютные права кредитора [10]. При этом не учитывается, что для абсолютной защиты характерна охрана блага от посягательства всех и каждого, тогда как недобросовестное проведение переговоров может быть допущено лишь их участником.

7. Отсутствие разумной осмотрительности против охранительных обязанностей

Возложение на негоциантов обязанности по совершению определенных действий или воздержанию от таковых с целью поддержания целостности и баланса прав и интересов друг друга не освобождает стороны от необ-

ходимости сохранять в переговорах разумную осмотрительность. Участники переговоров находятся в состязательной позиции и преследуют прежде всего свой собственный интерес [11]. Охранительные обязанности лишь купируют проявления очевидно неприемлемого волюнтаризма, но вовсе не поощряют отсутствие должной заботы о своей личной или имущественной сфере. В этом выражается один из важнейших аспектов принципа добросовестности – направленность на обеспечение баланса прав и законных интересов участников конкретного правоотношения.

Еще до закрепления в ГК РФ дополнительных охранительных обязанностей судебная практика отклоняла требования, основанные на нарушении обязанности информирования в переговорах, если истец не проявил требовавшуюся от него по обстоятельствам дела осмотрительность, обычную для деловой практики при заключении подобных договоров⁹. Тенденция сохранилась и после появления п. 3 ст. 307 ГК РФ.

В качестве иллюстрации можно привести одно из дел, рассмотренных арбитражным судом.

По результатам аукциона по продаже прав аренды земельного участка между муниципальным образованием и индивидуальным предпринимателем заключен договор аренды земельного участка с разрешенным использованием: для размещения промышленных объектов.

Обнаружив на участке болото, индивидуальный предприниматель обратился с иском о признании договора аренды недействительным как совершенного под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ). Требования мотивировались тем, что на участке планировалось строительство завода по производству бетона, размещение которого на болоте невозможно. Обнаружение болота до заключения договора аренды было бы возможным лишь в случае проведения предпринимателем дорогостоящего специализированного исследования, тогда как арендодатель был осведомлен о характеристиках участка и должен был довести соответствующую информацию до арендатора.

Отказывая в удовлетворении иска, суд указал, что вся необходимая информация об объекте аренды была доступна участникам торгов. В сообщении о проведении аукциона содержалось условие о необходимости самостоятельного осмотра претендентами земельного участка на местности. Имея возможность до заключения договора получить все необходимые сведения о состоянии земельного участка и оценить риски, истец не проявил необходимой осмотрительности, а ответчик, исходя из действий истца, не мог и не должен был знать, что истец заблуждается относительно качеств земельного участка¹⁰.

⁹ Пункт 5 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2013 г. № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» (Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 2).

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19 апреля 2017 г. № Ф09-1279/17 по делу № А50-2235/2016.

Если предположить, что арендатор обнаружил наличие на участке болота после объявления победителя торгов, но до заключения договора и отказался от его заключения, потребовав от арендодателя возместить расходы на участие в аукционе, это требование было бы обречено. Ведь заключение предпринимателем договора аренды земельного участка с расчетом на строительство завода без детального (пусть и дорогостоящего) исследования объекта в условиях, когда для такого исследования нет никаких препятствий, свидетельствует о не проявлении участником переговоров разумной осмотрительности. Негативные последствия подобной беспечности не могут быть возложены на другого участника переговоров под предлогом нарушения им дополнительной охранительной обязанности по предоставлению информации.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что содержание и пределы осуществления прав, а также круг и специфика исполнения обязанностей негоциантов во многом (если не преимущественно) определяются юридической категорией доброй совести. Нормы, регулирующие переговоры и устанавливающие ответственность за ненадлежащее поведение в данной сфере, оформились в самостоятельный институт как часть правовой материи принципа добросовестности. Сохраняя такую связь и по сей день, они не могут функционировать в отрыве от базового принципа, а потому его глубокое изучение становится необходимым условием эффективного применения правил о должном и недолжном на этапе заключения контракта.

Список источников

1. Райников А. С. Свобода переговоров как самостоятельный аспект принципа свободы договора: содержание и пределы // *Ex iure*. 2024. № 3. С. 97–110.
2. Нам К. В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого опыта : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 472 с.
3. Ширвиндт А. М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д. В. Дождева / отв. ред. А. М. Ширвиндт. М. : Статут, 2014. С. 203–242.
4. Егоров А. В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // *Legal Insight*. 2013. № 2. С. 4–10.
5. Райников А. С. Отношение, возникающее при проведении переговоров о заключении договора по российскому праву: антиделиктная концепция // *Вестник гражданского права*. 2023. Т. 23, № 2. С. 50–80.

6. Larenz K. Lehrbuch des Schuldrechts. Bd. 1 : Allgemeiner Teil. 14. Aufl. München, 1987. 480 S.
7. Teichmann A. // Soergel. Bürgerliches Gesetzbuch mit Einf hrungsgesetz und Neben-gesetzen. Bd. 2 : Schuldrecht I (§ 241–610). 12. Aufl. Stuttgart ; Berlin ; Köln, 1990. § 242. N. 6.
8. Белов В. А. К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: критический анализ правоприменительной практики. М. : Волтерс Клувер, 2006. 96 с.
9. Хесселинк М. В. Принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 157–187.
10. Жученко С. П. Убытки: зарубежные подходы и отечественная практика // Защита гражданских прав: избранные аспекты : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2017. С. 104–161.
11. Whittaker S., Zimmermann R. Good faith in European contract law: surveying the legal landscape // Good faith in European contract law / eds. S. Whittaker, R. Zimmermann. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. P. 7–62.

References

1. Raynikov, A. S. Freedom of negotiation as a separate aspect of the principle of freedom of contract: content and limits. *Ex jure*. 2024;(3):97-110. (In Russ.)
2. Nam, K. V. *[The principle of good faith. Fundamentals of theory and law enforcement in the context of German experience]*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2021. 472 p. (In Russ.)
3. Shirvindt, A. M. The principle of good faith in the Civil Code of the Russian Federation and comparative law. In: A. M Shirvindt, ed. *Aequum ius*. From Friends and Colleagues to the 50th Anniversary of D. V. Dozhdev. Moscow: Statut; 2014. Pp. 203–242. (In Russ.)
4. Egorov, A. V. The principle of good faith in the Civil Code of the Russian Federation: the first steps of reform. *Legal Insight*. 2013;(2):4-10. (In Russ.)
5. Raynikov, A. S. The relationship arising during negotiations on the conclusion of a contract under Russian law: anti-tort concept. *Civil Law Review*. 2023;23(2):50-80. (In Russ.)
6. Larenz, K. *Lehrbuch des Schuldrechts*. Bd. 1: Allgemeiner Teil. 14. Aufl. München; 1987. 480 S.
7. Teichmann, A. In: *Soergel. Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Neben-gesetzen*. Bd. 2: Schuldrecht I (§ 241–610). 12. Aufl. Stuttgart; Berlin; Köln; 1990. § 242. Nr. 6.
8. Belov, V. A. *[On the question of tax payer's bad faith: critical analysis of legal practice]*. Moscow: Wolters Kluwer; 2006. 96 p. (In Russ.)

9. Khesselink, M. V. The concept of good faith. *Herald of Economic Justice*. 2020;(8):157-187. (In Russ.)
10. Zhuchenko, S. P. [Damages: foreign approaches and practice in Russian Federation]. In: M. A. Rozhkova, ed. [*Protection of civil rights: selected aspects*]. Collection of articles. Moscow: Statut; 2017. Pp. 104–161. (In Russ.)
11. Whittaker, S., Zimmermann, R. Good faith in European contract law: surveying the legal landscape. In: S. Whittaker, R. Zimmermann, eds. *Good faith in European contract law*. Cambridge: Cambridge University Press; 2000. Pp. 7–62.

Информация об авторе / Information about the author

Райников Артем Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института юстиции Байкальского государственного университета (Российская Федерация, 664003, Иркутск, ул. Ленина, д. 11), адвокат, управляющий партнер Адвокатского бюро «Райников, Андреев и партнеры» (Российская Федерация, 664025, Иркутск, б-р Гагарина, д. 68в).

Artem S. Raynikov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Civil Law and Process Department, Baikal State University, Institute of Justice (11, Lenin St., Irkutsk, 664003, Russian Federation), Advocate, Managing Partner of Raynikov, Andreev and Partners Law Office (68b, Gagarin Blvd., Irkutsk, 664025, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 14.03.2025; принята к публикации 24.06.2025.

The article was submitted 04.03.2025; approved after reviewing 14.03.2025; accepted for publication 24.06.2025.